

в котором и стали на днёвку. В этот день 14(27) марта в сопровождении конвоя из горских всадников для переговоров с Корниловым в аул прибыл произведённый по случаю Радой в генералы Командующий войсками Кубанского края Виктор Леонидович Покровский.

6.10. Кубанский отряд. Ледяной поход. Новодмитриевская

В ауле Шенджий Кубанский отряд задержался на два дня³²⁰ и 4(17) марта перешёл в станицу Пензенскую³²¹. 6(19) марта

³²⁰ «В Шенджие обнаружилась печальная картина, – пишет Филимонов, – отсутствие единодушия среди начальников частей и острые раздоры между ними. Выяснилось, что Покровский популярен лишь среди чинов своего партизанского отряда. Начальники же почти всех остальных частей в него не верили и не признавали его авторитета.

Полковник Улагай и капитан Раевский открыто заявили об этом на совещании. К ним присоединились и два других, более видных кубанских офицера: полковник генерального штаба Кузнецов и георгиевский кавалер полковник Деменик.

Полковник Улагай... после искренней беседы согласился подчиниться Покровскому. Полковник же Деменик оказался непримиримым и держался в оппозиции всему, что исходило от Покровского...

Почти все начальники высказались за движение отряда параллельно Кавказскому хребту в направлении к Майкопу, а потом в район Баталпашинского отдела; Деменик горячо доказывал бесплодность борьбы с большевиками и находил необходимым переправиться через хребет по так называемому Дефановскому перевалу и по Черноморскому шоссе укрыться в Абхазии. План Деменика был отвергнут, но через несколько дней он его осуществил самовольно. Когда ему и полковнику Кузнецову была дана задача прикрыть движение отряда в аул Локшукай, то он, увлекая за собой полковника Кузнецова и других, откололся от отряда... На ночлеге в одной из деревень отряд подвергся нападению большевиков, и Деменик был убит... а полковник Кузнецов заключён в Майкопскую тюрьму, а потом расстрелян. Полковнику Бабиеву и другим офицерам отряда удалось каким-то чудом спастись, и они впоследствии по одиночке присоединились к Добровольческой армии».

³²¹ По словам Д.Е. Скобцова в Пензенскую из аула Шенджий прибыл станик-черкес с посланием от советского командования. Послание было доставлено в аул на автомобиле Гуменным. Предлагалось прекратить вооружённую борьбу и перейти к мирным переговорам. На оборотной стороне документа было написано личное послание Гуменного к Филимонову (он знал Атамана, так как в Раде был представителем фронтовиков). Рада переговоры отвергла.

Тот же посланник сообщил, что в ауле слышали отзвуки артиллерийской канонады под Екатеринодаром. В том числе, и эти сведения определили следование отряда к Кубани и попытку переправы у Пашковской.

были получены сведения о движении Добровольческой армии к Екатеринодару, в связи с чем принято решение двигаться навстречу. Предполагалось при этом форсировать Кубань у станции Пашковской, а на правом берегу действовать уже по обстановке.

В ночь на 7(20) марта авангард отряда – батальон 1-го Кубанского полка под командованием полковника В.В. Крыжановского захватил у аула Дворянского паром, переправился на нём на правый берег и там укрепился. Следом двигался и весь отряд. Однако осуществить намеченный план не удалось. Направленный в аул Шенджий для демонстрации ложного движения отряд полковника Кузнецова на рассвете 9(22) марта был внезапно атакован красногвардейцами. Оставив аул, отряд вынужден был отходить на юг, в направлении, противоположном нахождению основных сил. Впоследствии часть отряда во главе с Кузнецовым ушла в горы, другая – всё же сумела присоединиться к своим.

Кубанский отряд подвергся нападению свежих большевистских частей. Надо признать за советским командованием определённую логику и последовательность действий. Важнейшие направления не оголялись, войска на угрожаемые участки перебрасывались со второстепенных. Южнее Екатеринодара были стянуты отряды Ф.И. Рогачёва³²², М.Н. Демуса, Е.М. Воронова, отряды г. Новороссийска³²³ и станции Крымской, а также Ейский и Должанский батальоны³²⁴. Отряды, правда, подходили разновременно, но постепенно сосредотачивались, создавая сплошной фронт.

Переправляться на правый берег Кубани, имея в тылу раз-

---

³²² Моряк Черноморского флота Рогачёв создал свой отряд в станице Старолеушковской. Первоначально в отряде, получившем его имя, насчитывалось до 150 пехотинцев и 25 конников.

³²³ В том числе, и подразделения 491-го Варнавинского полка, занявшего Новодмитриевскую.

³²⁴ Батальоны были сформированы в Ейском отделе и успели принять участие в разоружении казачьих частей. Получив приказ ВРК, проследовали в эшелонах до ст. Афипской, где разгрузились и далее шли походным порядком. Командовал батальонами, в которых было до 500 штыков и 150 сабель, И.Л. Хижняк.

ворачивающегося для наступления сильного противника, было невозможно. 9(22) марта на совещании у Атамана Филимонова было принято решение от переправы отказаться и отходить в Баталпашинский отдел. Батальон Крыжановского переправился обратно на левый берег. В ночь на 10(23) марта отряд двинулся в направлении на аул Гатлукай. У дороги были обнаружены два трупа. Это были офицеры, посланные ранее на поиски Добровольческой армии³²⁵.

На следующий день отряд вышел к реке Псекупс, но переправиться не мог, так как противоположный берег уже был занят большевиками. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся до темноты и результатов не давшая. Настроение бойцов падало с каждым часом. Люди видели, что не способны пробиться через заслоны³²⁶. К тому же, сказывалась и усталость. Боеприпасы, вывезенные из Екатеринодара, таяли на глазах. В 10 часов вечера 10(23) марта, уничтожив радиостанцию и часть повозок, отряд вновь круто повернул и двинулся на станицу Калужскую.

³²⁵ Рассылаемые для установления контактов с Корниловым офицеры назад не возвращались. При поимке их убивали красногвардейцы, а иногда и горцы, ошибочно принимавшие посыльных за большевиков.

Настойчиво искал Кубанцев и Корнилов. Но ни один из его посыльных офицеров не вернулся и не прислал донесения. В Некрасовской Командующий приказал Глазенапу выделить для поиска разъезд в 15 сабель под командой штабс-ротмистра Баугиса (такой же разъезд выслал и Гершельман). После нескольких дней рейда по занятой противником территории Баугису удалось обнаружить Кубанцев. Вот как описывает дальнейшее Александров:

«...вдруг произошло совершенно неожиданное недоразумение. Отсутствие у Баугиса документов, не совсем щеголеватый вид «обмундирования» и ещё вдобавок нерусский акцент, вызвали сомнение в некоторых чинах штаба и, особенно в членах «правительства», заподозривших в Баугисе подосланного большевика. Особенно заволновались «общественные деятели»...

В результате храброго штабс-ротмистра посадили под крепкий караул. Более же ретивые даже настаивали на его расстреле.

После ряда просьб попавшего в такую глупую историю Баугиса, штаб Армии послал по указанному им направлению нескольких разведчиков. Один из них и наткнулся на добровольцев...»

³²⁶ «...в отряде началось разложение, – пишет Д.Е. Скобцов. – Топтание на месте всей группы, многим показавшееся лишённым достаточных оснований, сдвинуло стрелку весов общего настроения духа к упадку. Получилось извещение, что лучшая часть конницы отряда, оставленная для заслона со стороны екатеринодарского железнодорожного моста, покинула без разрешения свою позицию и ушла в неизвестном направлении...»

11(24) марта у дороги Шенджий-Пензенская отряд вновь вошёл в соприкосновение с противником. Авангард завязал перестрелку, постепенно в бой втянулся весь отряд. Красногвардейцев было больше, и наступали они, поддерживаемые артиллерией, решительно и настойчиво. Кубанцы тут и там стали подаваться назад. В этот критический момент боя полковник С.Г. Улагай по личной инициативе двинул свой отряд в обход правого фланга противника. Одновременно с этим другой его фланг атаковал во главе конного отряда полковник Косинов. В обозе Филимонов собирал всех, способных носить оружие. Они развернулись в цепь и, в большинстве безоружные, двинулись к линии, создавая видимость подходящих резервов³²⁷. Порыв их не был напрасным. Красногвардейцы дрогнули и отошли.

Вскоре к месту недавнего боя прискакали черкесы из Шенджия и сообщили, что Добровольческая армия уже на подходе к аулу. От бывшего упадка духа не осталось и следа. Забрехала надежда, и для большинства этого оказалось достаточно. 12(25) марта отряд занял станицу Калужскую, в которой остановился на отдых.

14(27) марта Покровский в сопровождении своего начальника штаба полковника Науменко, Эрдели и конвоя из черкесской конной сотни выехал в аул Шенджий для встречи с Корниловым. Несмотря на отчаянное положение как Армии, так и Кубанцев и осознаваемую необходимость скорейшего объединения, встреча протекала далеко не так гладко, как можно было рассчитывать в подобных условиях.

Вот как описывает её Деникин:

«В комнату Корнилова, где, кроме хозяина, собрались генералы Алексеев, Эрдели, Романовский и я, вошёл молодой человек в черкеске с генеральскими погонами – стройный, подтянутый, с каким-то холодным, металлическим выражением глаз, по-видимому, несколько смущённый своим новым чином, аудиторией и предстоящим разговором. Он произнес краткое приветствие от имени кубанской власти и отряда, Корнилов ответил просто и сдержанно. Познакомились с составом и состоя-

---

³²⁷ Надо отдать должное членам Правительства и Рады. Многие из них шли в цепи вместе со всеми. Шёл и Родзянко, а рядом с ним – Быч.

нием отряда, его деятельностью и перешли к самому важному вопросу о соединении.

Корнилов поставил его с исчерпывающей ясностью: полное подчинение командующему и влитие кубанских войск в состав Добровольческой армии.

Покровский скромно, но настойчиво оппонировал: кубанские власти желают иметь свою собственную армию, что соответствует «конституции края»; кубанские добровольцы сроднились со своими частями, привыкли к своим начальникам, и всякие перемены могут вызвать брожение в войсках. Он предлагал сохранение самостоятельного «кубанского отряда» и оперативное подчинение его генералу Корнилову.

Алексеев вспылал.

– Полноте, полковник – извините, *не знаю, как вас и величать*. Войска тут не при чём – мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием.

Корнилов сказал внушительно и резко:

– Одна армия и один командующий³²⁸. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству».

Хотя к соглашению прийти не удалось³²⁹, положение было таковым, что без согласования своих действий стороны обойтись не могли. Договорились, что все вопросы будут разрешены на совместном расширенном заседании в ближайшее время. А в чистом военном плане условились о следующем:

1. Обоз добровольцев направлялся в станицу Калужскую под прикрытием Кубанского отряда.

2. 15(28) марта Добровольческая армия и Кубанский отряд

---

³²⁸ При всей категоричности изложенных требований, правота Корнилова была всем очевидна. Лишь единоначалие могло ещё сохранить шансы на победу. И всё, что вступало в той или иной мере в противоречие с этим, генерал отбрасывал безоговорочно и изначально. Другое дело, что Покровский, даже и не имея он своих амбиций, без консультаций с Правительством, которому был подчинён, принимать, или отвергать столь радикальные условия, полномочен не был.

³²⁹ «Покровский, уже произведённый Войсковым атаманом в генералы, – пишет Д.Е. Скобцов, – ездил в аул Шенджий на свидание с командованием Добровольческой армией, с генералами Корниловым, Алексеевым. С ним там обошлись не очень любезно. Вернулся он очень раздражённым».

должны были нанести одновременные удары по станице Новодмитриевской, занять её и там соединиться. Для демонстрации ложного движения в сторону Энема направлялся дивизион Глазенапа.

15(28) марта случился эпизод, давший впоследствии наиболее распространённое название походу добровольцев. Армия выступила из аула Шенджий около 9 часов. С самого утра сопровождаемый резким, порывистым ветром шёл сильный дождь. Дороги развезло совершенно. В авангарде следовал Партизанский полк, за ним – Офицерский с 1-й батареей. Замыкал колонну Корниловский ударный. Обоз выступил в Калужскую, куда, застигнутый на марше разгулявшейся непогодой, прибыл лишь глубокой ночью³³⁰.

До Новодмитриевской было не более 15-18 километров, но дождь всё усиливался, и промокшие насквозь люди вскоре уже не выбирали сухие участки, а ступали, куда попало. Шли по воде, по непролазной грязи. Стоки воды превратились в ручьи, случайные канавы – в речки, которые не так просто было и преодолеть. К такой канаве, шириной в 3-4 шага, до краёв наполненной водой вышел и 3-й взвод 1-й роты «марковцев», выделенный в боковую заставу. На счастье тут же валялось полусгнившая коряга, которую, не раздумывая, использовали в качестве моста. Некоторые, поскользнувшись, падали в воду. Впрочем, они ничего не теряли, так как и до падения успели уже промокнуть с ног до головы.

Ко 2-й роте подъехал командир полка.

– Не занесло ещё вас? – поинтересовался у офицеров.

³³⁰ Если в последующем бою за станицу потери Армии были минимальны, то в обозе умерли в этот день десятки раненых. Обоз был застигнут на марше непогодой и резким похолоданием, и прибыл в Калужскую лишь поздней ночью. Большинство телег и подвод были открытыми. Одеяд и тёплого белья, так же, как и перевязочных средств, не хватало катастрофически. Несмотря на все усилия госпитального персонала и сестёр милосердия, весь путь обоза обозначался тут и там свежевырытыми могилами. Раненые умирали от переохлаждения и от заражения крови. Неизбежные остановки с последующими рывками при попытках усталых лошадей сдвинуть телегу, примёрзшую колёсами в грязь, отзывались пульсирующей болью и страданиями. Люди не выдерживали. Имели место и случаи самоубийства.

Предложил закурить, достал пачку папирос, которую тут же и разобрали, и сказал на прощанье:

– Ничего, бывает и хуже. Пустяки. Держитесь. Не впервые ведь... Все вы молодые, здоровые, сильные... Придёт время, когда Родина оценит вашу службу...

Марков на протяжении всего марша подъезжал то к одному своему подразделению, то к другому. Появлялся то тут, то там.

– Сыровато, – говорил он, пытаясь подбодрить незамысловатой шуткой добровольцев. С генералом никто не спорил. Дождь, не переставая, лил и лил с затянутого тучами неба.

Трудно пришлось артиллеристам 1-й батареи. Едва вышли кое-как из аула, лошади стали. Для того чтобы продолжить движение, все конные чины батареи спешились, и на их лошадей навьючили всё, что можно. За первые 5-6 километров пали три лошади, их тут же поменяли. Местами узкая дорога была покрыта сплошными потоками воды, разглядеть препятствия было невозможно. И если уж колесо цеплялось за что-то, останавливалась вся колонна. Номера и пеший взвод лезли в воду, распутывали построения, поднимали ложившихся лошадей, на руках выкатывали из колдобины орудие...

Вдруг в голове колонны завязалась и тут же стихла перестрелка. Это передовые части уничтожили коротким ударом заставу противника, стоящую в хуторке у дороги. Часть красногвардейцев были убиты, нескольких захватили на этот раз в плен. Нужны были проводники³³¹. Подходившие подразделения останавливались одно за другим. Люди, набившись в хаты, отдыхали 10-15 минут, и тут же следовали дальше.

К 14 часам резко похолодало. Дождь сменился мелкой ледяной крупой, бьющей в лицо. Температура падала всё ниже, и вскоре с неба сыпал уже мелкий сухой снег. Насквозь промокшее обмундирование покрылось ледяной коркой. Полы шинелей промёрзли и с каждым шагом звенели на марше, ударяясь о голенища сапог. Пехота спасалась движением. Люди поводили на ходу плечами, вертели во все стороны головой, отогревали дыханием озябшие пальцы. Верховые, стараясь удержать теп-

³³¹ Пленные помогли отыскать мост, по которому выдвигались из станицы на другой берег. Он, правда, оказался затопленным.

ло, нахохлились в сёдлах, постепенно примерзая к ним. Колёса орудий покрылись со всех сторон наледью, снегом, смёрзшейся грязью, не различить было ни ступиц, ни спиц, один сплошной облепленный снегом диск. Шедшие рядом номера кирками сбивали с ободьев куски льда, но при неизбежных остановках орудия тут же вмерзали в дорогу, и вновь номерам приходилось выдёргивать их из колеи.

У самой реки³³² шедший в авангарде Партизанский полк наткнулся на ещё одну заставу противника. Красногвардейцы тут же отошли, настолько поспешно, что оставили непотушенный костерок и котёл с супом. Головной сотне с неожиданным обедом повезло. Вышли к реке и остановились. Из-за дождя неширокая горная речушка превратилась в грязевой поток. Мосты были снесены, либо оказались под водой.

Чтобы части не перемешались, Офицерский полк взял чуть правее и тоже остановился на берегу³³³. Колонна стала. Разведка проверила затопленный мост. Он обледенел посередине. Люди и лошади скользили и падали. Кое-как конные разведчики³³⁴ всё же переправились на тот берег.

– Не подыхать же нам здесь в такую погоду... Пошли в станицу! – зло выкрикнул Марков. Приказал ординарцам спешиться и передать коней для переправы пехоты. Добровольцы головного 3-го взвода 1-й роты садились на круп по двое. Лошади по брюхо в воде нехотя переходили на тот берег, потом возвращались к своим хозяевам. После пяти-шести ходок отказывались уже идти в воду, ложились на берегу. Атаковать станицу двумя-тремя десятками переправившихся бойцов было невозможно.

Снег всё не прекращался. Начинало темнеть. Замерзающие добровольцы не могли уже выдержать и развели прямо у берега огромный костёр. Сгрудились вокруг толпой, и батарейные лошади дышали им в спины, стараясь подойти ближе к теплу. Их отгоняли, но коченеющие животные подходили снова и снова...

---

³³² Река Чёрная, протекающая непосредственно перед станицей Ново-дмитриевской.

³³³ Ещё правее вышел вскоре к реке, к размытой, затопленной гати и Корниловский полк.

³³⁴ Первым переправился текинец из конвоя Корнилова.

Вдруг, ко всем бедам, на том берегу завязалась перестрелка. Это отходила к переправе разведка. Подъехавший Корнилов приказал двум ротам, «марковцев» и «корниловцев» немедленно переправиться через речку вброд и закрепиться на ближайшем гребне.

– Рота, за мной, – командовал Марков и пошёл к реке. Добровольцы с мрачной решимостью, застывшей на лицах, рассыпались цепью. У самого берега шедший впереди Марков обернулся и выкрикнул весело и громко:

– Как будто немного сыровато! – и первым ступил в воду, провалившись сразу по колено.

В бою бывают моменты, когда от действий командира зависит всё. И тот, кто это понимает и в нужный момент готов проявить перед подчинёнными лучшие свои качества, часто добивается успеха. Но к Маркову всё это относилось весьма опосредованно. Прямой, открытый Марков, при всей нередко прорывающейся несдержанности его натуры, не выбирал моменты и никому ничего не демонстрировал. Он делал ровно то, чего ждал от подчинённых. Всегда оставался самим собой и именно поэтому являлся примером для добровольцев в любое время суток и в любой обстановке. В бою, в походе, в непогоду, в повседневной армейской жизни. В радости и в горе...

Кто-то усмехнулся восторженно, кто-то повёл удивлённо небритым подбородком, стяхивая снежинки за ворот шинели. У кого-то потекла по щеке не замеченная товарищами, тут же услужливо смытая хлопьями мокрого снега, слеза... Все сомнения были отброшены, об усталости и морозе забыли бойцы. И даже капризы разыгравшейся стихии показались вдруг чем-то малозначимым. Впереди был их командир. Добровольцы с поднятыми над головами винтовками вошли за ним в реку. Вода была им вскоре уже по пояс, по грудь. Течение сбивало людей с ног, казалось, грязевые потоки всё же смоят, разметают цепь. Но люди лишь останавливались на миг, и тут же цепь выравнивалась. И шла упрямо вперёд. Наконец выбралась на тот берег и скрылась в снежной пелене.

За ними уже готовились выступить и остальные. Перепра-

вилась и рота Корниловского полка. Лошадей под рукой не оказалось. Неженцев тоже пошутил и приказал «погреться в воде». Кто по гати, кто – вброд, добровольцы, цепляясь друг за друга, переходили реку. Попытка же перевезти по мосту телеги с боеприпасами и полковым имуществом окончилась неудачей. Колёса чуть ли не первой провалились в дыры разрушенного настила, и движение застопорилось.

Подошла Техническая рота и начала обустраивать подъезды и чинить мост. Казалось, дело пошло, тем более что и погода несколько успокоилась, и вода начала спадать.

Но тут переправу обстреляла с короткой дистанции советская батарея. Один из разрывов накрыл огромный костёр и разметал столпившихся людей. Четыре человека были убиты на месте и 22 ранены. Корнилов приказал Миончинскому переправить на другой берег одно орудие. Последовала команда, но окоченевшие ездовые не могли вдеть ногу в стремя. Их подсаживали в сёдла номера. Лошади дёрнули, но колёса вмёрзли в грунт настолько, что орудие даже не пошевелилось. Все усилия подошедших номеров были напрасны.

Смогли стронуть с места лишь 2-е орудие. Коренные потянули его через реку. При этом вода доходила до сёдел, а само орудие моментами уходило под воду целиком. Всё же кое-как справились. Запряжка и зарядный ящик каким-то чудом прошли по мосту. Едва орудие вышло на тот берег и поднялось на гребень, из кустов по нему был открыт пулемётный огонь³³⁵. Орудие стало на позицию, но после первого же выстрела по батарее противника ствол так и остался в положении отката. Из-за замёрзшего масла подать его вперёд не удалось³³⁶.

Но Армия уже переправлялась всей массой. Против солдат в кустах была двинута рота «корниловцев» и юнкера. Красногвардейцы поспешили отойти.

В Новодмитриевской к этому времени бой уже подходил к концу. В этот раз непогода даже поспособствовала доброволь-

³³⁵ Надо отдать должное красногвардейцам. Далеко не все они грелись в избах. Да и командиры не забыли выставить на дорогах заставы.

³³⁶ На следующий день потеплело, и ствол сам собой встал в нужное положение.

цам. Нападения советское командование никак не ожидало. К тому же, окопы были открыты на восточной и юго-восточной окраинах станицы. Седлали в первую очередь дорогу от Калужской.

Переправившийся первым 3-й взвод 1-й роты, не встретив противника, поднялся на вершину бугра у реки и, вытянувшись толпой, стал продвигаться к станице. До неё от реки было до двух километров. На некотором отдалении сосредотачивались по мере готовности и следовали за ним и остальные взводы.

Марков, оставив у переправы Тимановского, сам, уже верхом поскакал к станице, поторапливая добровольцев. Подъехал к командиру 3-го взвода и негромко приказал:

– Не стрелять – только колоть. Вперёд!

Взвод беспрепятственно вошёл в станицу. Добровольцы растянулись жидкими цепочками по обе стороны улицы³³⁷. За ним шла и вся рота. Марков тут же вернулся на окраину станицы и давал направление подходившим ротам. 2-й он приказал принять влево, 3-й – вправо.

Едва раздались первые выстрелы, из натопленных хат стали выбегать не ожидавшие нападения солдаты. Один, по виду командир, кричал:

– Товарищи, не разводите панику!

– А ты – кто? – спросил подбежавший доброволец.

– Я председатель военно-революционного комитета... – он был застрелен на месте. Та же участь постигла и подбежавшего человека, назвавшегося секретарём. Многие красногвардейцы гибли под пулями и штыками добровольцев, так и не успев понять, что происходит. Добровольцы в изношенном, оборванном за поход обмундировании и дырявых сапогах представлялись им своими. Стрельбу же они принимали за досадное не-

³³⁷ Павлов упоминает о следующем эпизоде завязки боя. Из хаты вышел на улицу красногвардеец и столкнулся нос к носу с добровольцем. Солдат спросил, не пополнение ли это из Екатеринодара. Офицер подтвердил, однако обмундирование его, промокшее насквозь, видимо настолько не внушало доверия, что солдат, сообразив, кто перед ним, бросился на «марковца». Винтовка у офицера была за спиной на ремне, озябшие пальцы одеревенели и не разгибались. Неизвестно, чем бы закончилась эта стычка, если бы не проскакавший мимо Марков выстрелом из револьвера не свалил солдата.

доразумение, которые в то время случались сплошь и рядом.

Три роты Офицерского полка от северной окраины веером расходились по станице. На одной из улиц на добровольцев выскочила 4-х орудийная батарея противника. На требование остановиться артиллеристы ответили ружейным огнём, и тут же были перебиты.

Там и тут красногвардейцы стали сдаваться³³⁸. Но как бы быстро ни продвигались добровольцы, поднятая стрельбой тревога распространялась быстрее. И вскоре советским командирам удалось на отдельных участках пресечь панику и организовать сопротивление. Впрочем, если и существовали изначально план и система обороны, то они были разрушены в первые же минуты. Едва подошла офицерская пулемётная команда, солдаты толпами побежали из станицы. Разгром был полный. Однако к полуночи порыв вымотавшихся за день добровольцев слабел. Три роты Офицерского полка заняли северную часть станицы и дальше продвинуться были не в силах. Люди занимали хату, и вытащить их оттуда на улицу было уже невозможно. Перестрелка затихла сама собой. Лишь раздавались случайные одиночные выстрелы.

Тем временем «корниловцы», совершив глубокий охват, вышли на западную окраину Новодмитриевской и продвигались к южной. К 23 часам полк занял юго-западную часть станицы и выставил заставы в сторону Григорьевской. Подошёл от переправы и занял крайние хаты северной окраины станицы Партизанский полк. Юнкерский батальон и Техническая рота оставались на переправе всю ночь.

³³⁸ Павлов рассказывает о таком случае. Командир 3-й роты полковник Кутепов увидел трёх жавшихся к одной из хат офицеров. На требование пояснить, в чём дело, получил ответ, что в хате больше десятка солдат. Кутепов толкнул дверь и, сопровождаемый своими офицерами, вошёл вовнутрь. Там сидели до полувзвода красногвардейцев и мирно пили чай из стоявшего посреди стола самовара.

– Какого полка? – строго спросил Кутепов, становясь таким образом, чтобы заслонить собой оставленные в углу винтовки.

– Мы – варнавинские.

– А мы – Офицерского. Выходи по одному! – и солдаты без промедления выходили на улицу. Кутепов же налил себе кипятку и, выпив его, проследовал за ними.

Кубанский отряд, который согласно достигнутой договорённости должен был нанести удар по Новодмитриевской с юга, из-за непогоды вернулся в Калужскую. Этим Кубанцы спасли от уничтожения до двух тысяч красногвардейцев, отступивших по направлению их предполагаемого подхода. Неудивительно, что немногие посвящённые в эти планы испытывали недоумение и досаду.

«Покровский, который должен был атаковать станицу с юга, не подошёл, – пишет Деникин, – счёл невозможным двигать по такой дороге и в такую погоду свой отряд. Это обстоятельство спасло большевиков от окружения и стоило нам потом двух лишних боёв и лишней крови...»

Куда резче высказывается Левитов: «Первое совместное действие в этом бою Добровольческой армии с Кубанской было неудачным, – первый блин вышел комом: согласно *приказу* генерала Корнилова³³⁹ в этом бою конница генерала Покровского должна была наступать тоже на станицу Ново-Димитриевскую со стороны станицы Калужской, но она в такую погоду, как гласит донесение, вернулась, а быть может *и просто не выступала*. Это было печальным фактом для первого раза: при наличии конницы в этом бою все три тысячи красных были бы уничтожены, а неисполнение приказа говорило о качестве Кубанской армии».

Едва северная часть станицы была занята, Марков поскакал к реке. Не доезжая до переправы, он встретил подходившую 4-ю роту своего полка и повернул её влево, в атаку на батарею противника, открывшую огонь по переправе. Батарея стояла значительно левее движения главных сил полка. Рота шла на нечастые вспышки оружейных выстрелов, но упёрлась в глубокий овраг и вынуждена была остановиться, завязав перестрелку с пехотным прикрытием противника. Впрочем, замолчала и советская батарея. Не исключено, что из-за одного

---

³³⁹ Следует отметить, что Корнилов 15(28) марта не мог отдавать Покровскому какие-либо приказы. Кубанский отряд ещё не был ему подчинён. Но наличие устной договорённости о совместном одновременном ударе по Новодмитриевской никем не оспаривается.

единственного снаряда, выпущенного по ней Миончинским³⁴⁰.

Марков тем временем был уже на переправе. Становилось очевидным, что перевезти орудия и полковой обоз менее чем за несколько часов не удастся. Оставлять у реки добровольцев означало обречь их на верную гибель. Было принято решение выставить на ближайших хуторах заслоны, людей и лошадей отправить немедленно в станицу, а имущество оставить у переправы до утра. Все, конные и пешие, тут же устремились к только что занятой станице.

Стемнело уже настолько, что всадники с трудом различали головы своих коней. У моста кто-то упал вместе с лошадьёю в канаву и барахтался в воде.

– Какая... там пузыри пускает? – выкрикнул в темноту Марков, наблюдающий за переправой.

– Это я, генерал Богаевский, – был ответ.

– Африкан Петрович, – крикнул слегка смущённый, но не умевший отказаться от шутки Марков. – Плывите сюда. Здесь мелко...

Наконец все почти перешли на тот берег и толпой пошли в станицу. Вместе с ранеными, обмороженными и отставшими, шли и чины 1-й батареи. Настроение их, мечтающих уже о тёплых хатах, было бы приподнятым, если бы не смерть начальника пулемётной команды поручика Гагемана. Уже на пути в занятую станицу поручик был тяжело ранен случайной пулей в голову и скончался через несколько минут³⁴¹. Ввиду того, что

³⁴⁰ Вскоре прекратилась и перестрелка, красногвардейцы отошли. Рота лежала некоторое время на краю оврага. Затем, в станицу на разведку был направлен с несколькими офицерами полковник Биркин. Зайдя в первую же хату, он наткнулся на Маркова, который был в этот день вездесущ. Генерал тут же приказал полковнику собрать людей по ближайшим избам и стать резервом, что и было немедленно выполнено. Впрочем, бой уже закончился, и когда Биркин прибыл с полуротой и пулемётом на площадь, ординарец посоветовал ему, занять ближайшую пустую хату и укладываться спать. Уже далеко за полночь подтянулась в станицу и вся 4-я рота. На следующий день выяснилось, что два орудия обстреливающих переправу, были красногвардейцами брошены. Возможно, отвести их просто не смогли.

³⁴¹ «В темноте я увидел нашего доблестного командира пулемётной команды... поручика Гагемана, – вспоминал позже номер 2-го орудия 1-й батареи И. Лисенко. – После ранения в Чернецовском походе он ходил, хромая. Я подошёл к нему и, взяв его под локоть, сказал:

– Разрешите мне помочь вам идти.

восточная окраина станицы так и не была занята, части располагались как можно компактнее. Личный состав батареи ночевал в четырёх рядом стоящих хатах.

В Новодмитриевскую в сопровождении конвоя прибыл Корнилов. Отыскал в правлении Маркова и там же по обыкновению развернул свой штаб. Армия, пережив ещё один день похода и завоевав в очередной раз право на существование, расположилась, наконец, на ночлег.

Утром следующего дня производивший обход подразделений своего полка Марков наткнулся на одной из улиц на сестру милосердия Юнкерского батальона Шуру. Он остановился и учтиво заговорил с совсем ещё юной девушкой, восторженно глядевшей на генерала. Поинтересовался, как перенесла она произведённый накануне тяжелейший переход.

– Это был настоящий *ледяной поход!* – сказала сестра.

– Да, да. Вы правы... – согласился в задумчивости генерал.

Много позже, читая публичную лекцию в Новочеркасске, Марков упомянул об этих её словах, которые слушателям тоже запомнились и пришлись по душе. С этого дня с его лёгкой руки 1-й Кубанский генерала Корнилова поход стал также именоваться и Ледяным³⁴².

На что он ответил:

– Да вы сами, голубчик, еле двигаетесь...

Мы пошли рядом и подходили к батарее под уже редким огнём, когда раздался звук шлёпнувшей о что-то пули. Поручик, не сгибаясь, навзначь упал. Пуля попала ему в висок. Через несколько минут он умер».

Поручик Гагеман, как и многие в Добровольческой армии, был человеком неординарным. Непонятно было, военный это, путешественник или искатель приключений. Поручик дрался на границе Афганистана с кочевниками, окончил французскую пулемётную школу, каким-то образом очутился в Турции, где был инструктором в армии, уже, будучи офицером, сражался за турок в Балканской войне и, наконец, всю Великую войну отвоевал пулемётчиком в армии Русской. «Интеллигентным авантюристом» называл его подполковник Миончинский...

³⁴² Даже и советские источники признавали, что совершённое в тот день добровольцами, иначе, как подвигом, не назовёшь. Вот что пишет по этому поводу И.Л. Хижняк: «Оттепель вдруг сменилась проливными дождями. Мелкие горные реки вышли из берегов, ручьи превратились в бурные реки. А потом одновременно с дождём ударил мороз... Образовался страшный гололёд. На бойцах обледенела промокшая одежда, она сковывала движение.

Как мы узнали позже... генерал Эрдели передал Кубанской раде просьбу командующего – направить свои войска в Ново-Дмитриевскую для соединения